

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.
М26 Убийца поневоле / Александра
Маринина. — Москва : Эксмо, 2018. —
320 с. — (А. Маринина. Меньше, чем
спецна).

ISBN 978-5-699-80702-4

Кто же она такая — любовница ее брата? С поисков ответа на этот вопрос начинается свое частное расследование Анастасия Каменская. Она и не подозревала, что пустяковое на первый взгляд дело обретет поистине международный масштаб, а по ходу расследования ей придется столкнуться с целым рядом жестоких и вроде бы немотивированных убийств. И, разумеется, она не могла предвидеть, что распутывать этот криминальный клубок ей помогут боевой генерал-десантник и матерый вор в законе, в долгу перед которыми она останется на всю жизнь. А с подружкой брата все стало ясно сразу же...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2015
© Оформление.
ISBN 978-5-699-80702-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава I

1

Черное платье сидело на стройной фигуре как влитое, выгодно подчеркивая красивую грудь и тонкую талию.

— Ну как? — Настя сделала замысловатый пируэт, при этом в высоком, до бедер, разрезе соблазнительно мелькнула нога в телесного цвета чулке.

— Прямо дух захватывает! — восхищенно ответил Леша Чистяков, за много лет привыкший видеть свою подругу преимущественно в джинсах, свитерах и кроссовках. — А тебе самой нравится?

— Очень. Спасибо тебе, солнышко.

— Я старался, хотел тебе угодить. Как-никак, такое событие...

Настя, крутившаяся перед зеркалом, остановилась и подозрительно поглядела на Лешу.

— Какое событие?

— Ты в первый раз согласилась поехать со мной на банкет. Согласись, это что-нибудь да значит.

Настя недовольно нахмурилась.

— Ты что же, хочешь, чтобы я поехала в... в этом?

— Ну да. Я это платье купил специально для сегодняшнего вечера.

— Лешенька, милый, — взмолилась она, — я в нем измучаюсь. Целый вечер провести в туфлях на шпильке, следить за осанкой, не иметь возможности сесть так, как хочется, как удобно, — я этого не вынесу. Ну можно, я надену брюки и удобную обувь?

— Ася, но это все-таки банкет! — возмутился Чистяков. — Какие брюки? Ты с ума сошла?

— Я обещаю, брюки будут высший класс, прямо от Кардена. И свитер возьму понарядней. А, Лешик?

Она ласково обняла Лешу и потерлась носом о его плечо. Леша в отчаянии махнул рукой и отвернулся.

— Я так старался... — расстроено проговорил он. — Бегал по магазинам, искал это чертовое платье, мечтал, как ты его наденешь. Хотел, чтобы оно было непременно черное, ты ведь любишь этот цвет. И что теперь? Все зря?

Глядя на его огорченное лицо, Настя почувствовала угрызения совести. Он и в самом деле старался, хотел сделать ей подарок, а она... Но, с другой стороны, целый вечер в платье за 600 долларов и в туфлях на высоком каблуке, когда болит спина и отекают ноги, — перспектива не из приятных.

— А что, — решила она внезапно, — может, и в самом деле раз в жизни выйти в свет в приличном виде? Сделаю прическу, нарисую лицо — и вперед.

Леша сгрел ее в охапку и закружил по комнате.

— Аська, ты будешь на этом сборище самая красивая! Все мужики поумирают от зависти ко мне.

Стоя под горячим душем и втирая шампунь в длинные светлые волосы, Настя Каменская думала о том, что приносимая ею жертва была не такой уж большой, если вспомнить, сколько хорошего сделал ей Чистяков за годы, которые они провели вместе. Леша ухаживал за ней, когда она болела, приносил тяжеленные сумки с продуктами, кормил ее вкусными ужинами, безропотно сносил ее категорическое нежелание официально оформить их отношения, терпеливо переживал приступы ее плохого настроения. Неужели за все это он не заслужил права хотя бы раз появиться на банкете со своей подругой, о которой много лет слышат все его коллеги, но которую никогда не видели?! Над ним уже стали частенько подшучивать: «Что это ты прячешь от общест-венности свою милицейскую барышню? Может, она у тебя хромая или горбатая?» Конечно, это было бы эффектно: молодой доктор наук, профессор, блестящий математик, лауреат международных премий появляется на банкете под ручку с ослепительной блондинкой! При этой мысли Настя хмыкнула, потом не выдержала и расхохоталась. Она — невзрачная серая мышка с

блеклым невыразительным лицом, и только Лешка со своей трогательной беззаветной любовью может представлять ее красавицей. Хотя, если не лениться и сделать грамотный макияж, она может стать очень хорошенькой, даже красивой, а уж фигурой ее Бог и без того не обидел, так что в черном шестисотдолларовом платье...

— Ася, — слышался из-за двери Лешин голос, — тебе Гордеев звонит. Будешь разговаривать, или сказать, что ты перезвонишь позже?

Виктор Алексеевич Гордеев был Настинным начальником, и его звонок в субботу ничего хорошего не предвещал. У нее мелькнула трусливая мысль, что она срочно нужна на работе и это поможет ей в очередной раз отвертеться от ненавистного мероприятия, каковым ей представлялся не только предстоящий банкет, но и вообще любые многолюдные собрания и компании.

— Тащи телефон сюда, — крикнула она.

Леша приоткрыл дверь, впустив в наполненную паром ванную струю холодного воздуха, и протянул ей аппарат.

— Настасья, я, кажется, опять испорчу тебе выходные, — раздался в трубке голос Гордеева. — Ты уже слышала про совместное решение коллегий МВД и Генеральной прокуратуры о плохой работе по раскрытию убийств?

— Конечно. Я его даже читала.

Она примостилась поудобнее, чтобы под-

ставить ноющую поясницу прямо под горячую воду.

— Так вот, срочно велено готовить аналитическую справку по нераскрытым убийствам за последние пять лет. Задание понятно?

— Уж куда понятнее, — вздохнула она. — А сроки?

— Как говорится, срок — вчера. Сколько тебе нужно времени?

— Ну, — Настя замялась, — если ничем другим не заниматься, то неделя.

— Ишь ты, — фыркнул Гордеев, — так я тебе и позволил целую неделю ничем другим не заниматься. Значит, так. Справку будешь готовить столько, сколько нужно, но чтобы это был товар, которым можно гордиться. А перед руководством я сам отдуваться буду, если начнут торопить. Только ты излишне-то не затягивай, договорились?

— Спасибо, Виктор Алексеевич. Я буду стараться.

Закутавшись в теплый халат и обмотав мокрые волосы полотенцем, Настя вышла из ванной и тут же увидела стоящего в коридоре Лешу с встревоженным лицом и грустными глазами.

— Опять? — безнадежно спросил он.

Она молча кивнула, внутренне разрываясь между жалостью к нему и отчаянным нежеланием ехать на банкет. Жалость в конце концов победила.

— Предлагаю компромиссное решение, — сказала она. — Мы едем на банкет, на обрат-

ном пути заезжаем к тебе домой, забираем твой компьютер и временно ставим его здесь. На пару недель, не больше. Если у меня будет компьютер, я сделаю справку намного быстрее, а без него мне придется садиться за работу прямо сейчас.

— Но как же я без компьютера?.. — растерялся Леша.

— Выбери: или две недели без компьютера, или сегодня без меня на банкете.

— А я могу эти две недели пожить здесь и работать на компьютере днем, пока тебя нет?

— Конечно, солнышко мое. Заодно будешь ходить в магазин и готовить мне еду.

— Аська, ты корыстна до неприличия. Совершенно непонятно, почему я до сих пор тебя не разлюбил.

— А это потому, что ты ленивый. Влюбиться можно в одну секунду, легко и просто, а вот перестать любить — это адский труд. Почему неразделенная любовь превращается в трагедию? Потому что этот труд далеко не каждому под силу.

Она устроилась на кухне, включила фен и принялась сушить волосы.

— Представь, какие это муки — сознавать, что твоя любовь кому-то мешает, делает кого-то несчастным, и вот ты начинаешь вырывать ее из себя с кровью и мясом и от этого с каждым днем любишь все сильнее и чувствуешь, что сходишь с ума...

Голос ее зазвенел, скулы порозовели, глаза из бледно-серых стали голубыми. Настя поняла, что чрезмерно увлеклась. Вспом-

нила собственную давно забытую боль и заговорила о ней вслух, да еще при Леше. «Дрянь бессердечная», — мысленно обругала она себя. Но было уже поздно. Леша тоже вспомнил, и ему было, наверное, еще больнее.

— Я сварю кофе, — произнес он деланно безразличным голосом и полез в шкаф за кофемолкой.

Настя с преувеличенной тщательностью сушила волосы, Леша столь же старательно, соблюдая все процедурные тонкости, колдовал над кофе. Разговаривать не хотелось, все и так было ясно.

— Как ты думаешь, какие серьги лучше надеть к твоему платью? — осторожно спросила Настя, когда кофе был выпит, волосы высушены и пора было наконец хоть что-нибудь произнести, чтобы окончательно не увязнуть в неловкой ситуации.

— Решай сама, — сдержанно ответил Леша, избегая встречаться с ней взглядом.

«Так и есть, он расстроился, — подумала Настя. — Природа обделила меня деликатностью, уж это точно. Надо же так неловко себя вести! Сначала не захотела надевать платье, теперь еще разговор этот дурацкий... И как раз в тот день, когда удачно завершился организованный им международный симпозиум, в который он вложил столько сил и нервов. Его во всеулышанье признали родоначальником новой научной школы, которую сегодня представляют его многочисленные ученики, присудили ему очередную невероятно престижную премию, при-

своили звание академика какой-то академии... Господи, я даже не помню, что это за академия. Я веду себя совершенно непозволительно. Надо во что бы то ни стало исправлять положение».

На исправление положения ушел почти час, поэтому одеваться и приводить себя в порядок Насте пришлось с рекордной скоростью. Уже в прихожей, взяв сумочку и кинув в зеркало последний взыскательный взгляд, она спохватилась.

— А глаза-то!

— Что — глаза? — не сразу понял Чистяков, который после занятий любовью обычно бывал несколько обалдевшим.

— Линзы забыла вставить, — объяснила Настя, опрометью кидаясь в ванную и доставая контейнер с зелеными контактными линзами. — Серьги же с изумрудами, и глаза должны быть соответствующими. Я макияж под зеленые глаза делала, а не под бесцветно-непонятные. Сейчас, Лешенька, еще полминутки подожди.

Она вышла из ванной, сверкая зелеными кошачьими глазами, изящная и элегантная, с поднятыми высоко на затылок и уложенными замысловатым узлом волосами. Да, Настя Каменская была сейчас очень хороша собой. Она знала, что через полчаса начнут гореть и чесаться покрытые тенями веки, через час отекут и начнут невыносимо болеть ноги, зажатые в узкую колодку модных туфель, а через два часа появится и с каждой минутой начнет усиливаться ощущение, что в глаза насыпали песку, предва-

рительно пропитав его серной кислотой или еще какой-нибудь пакостью, потому что изумрудно-зеленые линзы почти не пропускают кислород. Вечер будет мучительным, но Леша заслужил свой праздник, и он его получит.

2

Лиза выключила утюг и удовлетворенно оглядела выглаженную одежду. Теперь на блузках не было ни единой морщинки.

— Мама, какую блузку ты наденешь? — крикнула она.

В кухню вошла Елена в длинном халате и принялась придирчиво перебирать блузки, аккуратно развешанные на спинках стульев. Статная, слегка располневшая фигура ее никак не гармонировала с осунувшимся, покрытым преждевременными морщинами лицом и странно застывшими тусклыми глазами, принадлежащими, казалось, полусумасшедшей старухе. Она остановила свой выбор на золотистой блузке из плотного хлопка с длинными рукавами и вышивкой на воротничке.

— Остальные повесь в шкаф, — сказала она дочери, выходя из кухни.

Лиза молча пожала плечами, сложила гладильную доску и, осторожно собрав блузки, чтобы не измять их, начала развешивать в шкафу. Она не одобряла выбор матери. Блузка с вышивкой была нарядной, и это

означало, что Елена все-таки считает сегодняшний день не обычным субботним днем.

— Сегодня вторая годовщина нашего первого праздника, — торжественно заявила она утром, открывая банку с красной икрой и намазывая бутерброды к завтраку. — Я надеюсь, что и следующий праздник не заставит себя ждать.

Лиза заметила, как при этих словах отец вздрогнул и побледнел. В глубине души она была согласна с матерью, но отцу такие разговоры всегда были неприятны, и девушка искренне ему сочувствовала. Конечно, мать права во всем, ее требования абсолютно справедливы, и отец неукоснительно их выполняет. Но Елене все же следовало бы быть поделикатней и считаться с тем, что мужа коробит такая демонстративная поза. Теперь вот мать выбрала на вечер нарядную блузку, и если на завтрак была икра, то на ужин — непременно что-нибудь праздничное, чтобы никто в семье не забыл об этой «второй годовщине». Может быть, мама даже будет улыбаться и отец ляжет спать в ее комнате, а не в кабинете, как обычно.

— Лиза, ты сегодня проветривала Андрюшину комнату? — раздался голос Елены.

— Да, мама.

— И пыль протерла?

— Да, я все сделала, не беспокойся.

— Я ухожу, — сообщила Елена, заглядывая на кухню, где дочь мыла посуду. — Схожу к крестной, свечку поставлю в честь праздника. Я ненадолго.

— За меня тоже поставь, хорошо?

Когда за матерью захлопнулась дверь, Лиза отошла от раковины с недомытой посудой, не выключив воду, наспех обтерла мокрые руки полотенцем, открыла окно и вытащила из кармана сигареты. Мать категорически запрещала курить в квартире, но одеваться и выходить на лестницу Лизе не хотелось. Хотя было уже далеко за полдень, она так и ходила по квартире в пижаме, неумытая и непричесанная. Боже мой, во что же превратилась ее жизнь! Ей уже двадцать пять лет, и нет ни интересной работы, ни любви, ни друзей. Только безграничная ненависть и неутолимая жажда мести царят в ее душе. И еще горькие сожаления о несбывшихся надеждах, связанных с братом. Ах, Андрюша, Андрюшенька...

Лиза швырнула в пепельницу недокуренную сигарету и горько зарыдала.

3

Игорь Ерохин любил московское метро. Но еще больше он любил его в час «пик», потому что непрерывный и хаотичный поток людей почти исключал возможность напороться на кого-нибудь знакомого, а если такое и случится, то затеряться в толпе и исчезнуть не составляет ни малейшего труда.

Он занял отведенное ему место, с которого хорошо просматривалась скамейка возле лестницы, ведущей на переход к дру-